

нение» диалог в РР противопоставлен речи официально-деловой (0,45 и 0,76); аналитичность, которая измерялась отношением числа служебных слов к сумме служебных слов и словоизменительных аффиксов, «разводит» такие разновидности, как официально-деловая речь (индекс 0,22) и диалектный диалог (0,45).

Фиксируя количественные различия между жанрами устной речи, А. Ф. Журавлев в конце своего исследования показывает и меру близости между обследованными им текстами. Он делает вывод о том, что «дихотомия „подготовленная речь — спонтанная речь“ ... является более сильной (т. е. дающей более значительные различия между речевыми жанрами. — Л. Р.), чем дихотомия „письменная речь — устная речь“» (с. 144).

Статья Л. А. Капанадзе названа «Способы выражения оценки в устной речи», но по существу объектом внимания в ней является лишь одна разновидность устной речи — РР. Автор выделяет такие типичные для РР способы оценки, как оценка-метафора (ср. «зверинные» метафоры, рассматриваемые на с. 152—153: *акула, жаба, мышка, волчище* и т. п. применительно к человеку), гиперболы и литоты (*Не мясо, а сплошные кости* и т. п.), оценочные жесты, интонационные оценочные выделения (*Не зна-а-аю! по-мо-о-отрим!* — как выражение сомнения и несогласия).

М. В. Китайгородская исследует особенности построения устного высказывания в просторечии. Описывая структуру просторечного коммуникативного акта, М. В. Китайгородская выделяет такие характерные черты его, как, с одной стороны, тенденция к имплицитности (большая, чем в РР, опора на неявные элементы ситуации, на прагматику), а с другой — избыточность при сочетании элементов высказывания (*более приемлемей, наиболее лучший* и т. п.), нереализация обязательных (актантных) зависимостей предикатных слов, некорреферентное употребление личных и указательных местоимений, передача чужого мнения преимущественно в форме прямой (а не косвенной) речи и др.

В статье Т. С. Морозовой анализируются синтаксические особенности литературной устной публичной речи. Автор отмечает такие признаки, которые влияют на языковую организацию этого речевого жанра: 1) степень официальности; 2) степень подготовленности; 3) симметричность/несимметричность партнеров коммуникации по степени осведомленности о предмете речи (с. 184). В зависимости от значений, которые приобретает каждый из выделенных признаков, устная публичная речь строится по-разному. В ней могут присутствовать определенные речевые приемы, используемые говорящим для осуществления того или иного коммуникативного намерения: например, прием опровержения ожиданий слушающего, вовлечения слушающего в соавторство («... мы должны теперь поискать воз-

можность...»), конструкции идентификации, повтор, приемы, направленные на выражение различных модальных значений, «обнажение стратегии» (рассказа, лекции и т. п.) и др. (По-видимому, некоторые из этих приемов суть не собственно языковые, а, скорее, жанровые и композиционные черты публичной речи: таковы, например, повтор, конструкции идентификации, смысловой круг — как приемы, направленные на то, чтобы максимально «разжевать» не известную слушателю информацию.)

Н. Н. Розанова посвятила свою статью особенностям проявления одной черты старомосковского произношения в современной речи москвичей, а именно реализации фонем <а> и <о> в первом ударном слоге после твердых согласных. Принимая во внимание не только собственно фонетические факторы (качество предшествующего согласного, межслоговую ассимиляцию, длину слова и пр.), но и, например, такие, как позиция слова во фразе, коммуникативный вес его в высказывании, а также различия говорящих по полу, автор приходит к интересным выводам относительно характера реализации <а> и <о> в указанной позиции в речи современных москвичей: сильная редукция или утрата гласного во втором предупредном слоге, обычно компенсируемая удлинением гласного в первом предупредном (*[гга:]рйла, [ч'ла:]век*), чаще встречается в словах, занимающих сильную фразовую позицию, и свойственна преимущественно женщинам (раньше эта черта не зависела от положения слова во фразе и была распространена как в женской, так и в мужской речи москвичей).

Сравнительный анализ синтагматических характеристик морфем в кодифицированном литературном языке (КЛЯ), РР и в просторечии представлен в статье Н. Е. Ильиной. Автор показывает, что на характер реализации в речи морфем влияет позиция слова во фразе; однако это влияние сказывается с разной силой в указанных разновидностях устной речи: так, для КЛЯ характерна четкость отграничения морфем друг от друга, в РР морфемные границы соблюдаются непоследовательно; в просторечии же морфемы претерпевают значительные трансформации — ср. реализацию приставок в просторечном произношении слов *наоборот* — [*нэ'борот*], *вспалал* — [*спалал*], *предлагал* — [*пр'лагал*] и подобное.

Жанровое разнообразие РР, «перетекание» жанров друг в друга, быстрая их смена в повседневном общении — тема второй статьи Л. А. Капанадзе. Разные жанры РР обнаруживают неодинаковую связь с ситуацией общения: рассказ, например, в минимальной степени опирается на свойства ситуации, в то время как стереотипные акты общения (покупатель — продавец, врач — пациент и т. п.) зависят от ситуативных условий речи значительно больше. Убедительными представляются наблюдения автора, сви-